

Из Москвы эшелон с Женей направили в район Воронежа до станции Россошь. Выгрузившись, батальон направился пешим порядком на боевые позиции. На пути следования батальона немцы устроили засаду: пропустив разведку они открыли ураганный огонь по основным силам. Солдата, который шел рядом с Женей ранило, его положили на повозку и ротный приказал Жене везти его в госпиталь. Сдав раненного медикам, Женя пошёл искать свою бригаду. Придя в какую-то часть, он спросил у командира, как найти свою бригаду, но тот приказал ему оставаться в его части и занять позицию вместе с его солдатами.

Позиции советских и немецких войск находились по обе стороны крупной балки, по склонам которой располагалась деревня. Вдруг с немецких позиций начался обстрел транссирующими пулями. Стало страшно. Лежащий рядом солдат вдруг говорит: “Браток, мне перебило ноги. Вытащи меня отсюда!” Евгений положил его на лыжи и поволок к ближайшей хате. Там перевязал его ноги. Через некоторое время в хату стали приходиться новые раненные и просили перевязать их раны. За ночь раненных набралось человек двадцать. К утру в хату зашла военврач и с ней два солдата. Оглядев хату, врач сказала, что забирает ее под госпиталь и отпустила Женю. В тот же день он нашел свою 8-ю бригаду, а в ней – саперную роту.

Участь 8-й бригады оказалась незавидной – она была разбита в трехдневном бою и личный состав саперной роты распределили по полкам 305 пехотной дивизии, которая находилась в Белгороде. Женя попал в 104 полк в составе 305 дивизии. После пополнения дивизию направили в сторону Харькова.

Во время марша на пути колонны, в которой находился Женя, появилась группа фашистов, человек в двадцать. На приближение колонны она никак не среагировала, и когда за несколько десятков метров до них им крикнули, что бы они сложили оружие все они положили ружья и подняли руки вверх. Это оказались болгары из состава немецких войск. Их отконвоировали в тыл.

Под Харьковом, в феврале 1943 года, 305 дивизия попала под жестокую авиационную бомбежку. Бомбы и пулеметные очереди ложились слева и справа от него, медсестру метрах в пяти от Жени пулеметной очередью буквально перерезало пополам. Но Женю оберегала судьба и заступничество матери в далекой Москве. После этой жестокой бомбежки немцы вдруг отступили и сдали Харьков. После занятия Харькова дивизия двинулась на Полтаву.

По мере удаления от Харькова ухудшалось продовольственное снабжение войск, ощущалась нехватка снарядов, мин и другого вооружения. Но приказ был – вперед. И вот километров за десять до Полтавы, на реке Миас, вся Харьковская группировка советских войск, около 90 тысяч солдат, попала в окружение. Саперам дали команду срочно собирать противотанковые мины. Саперов разместили в сарае, подвезли толовые пашки и механические взрыватели. В феврале дни короткие и вечером собирать мины приходилось почти на ощупь. Вдруг на улице послышался

шум, крики, выстрелы, скрежет танков и пулеметные очереди – это были немецкие танки. Солдаты бросились от них. Всю ночь солдаты в беспорядке бежали в сторону Харькова. К утру толпы солдат приблизились к пригороду Харькова – Мерефе. *(В мае 1942 года в окрестностях Мерефы шли тяжёлые бои, известные как Харьковская операция 1942. Здесь попали в окружение и погибли десятки тысяч солдат и офицеров Красной Армии. Мерефу Советская Армия освобождала от фашистов трижды: в мае 1942, в феврале 1943 и окончательно освободила 5 сентября 1943 года).* На рассвете красноармейцев отлавливали полицаи и отводили в комендатуру. Всего вместе с Женей набралось человек 20-25, всех построили в колонну, и повели в Харьков. Это было на третий день окружения. (По всей видимости, описанные события относятся к апрелю 1943 года. Имеется сообщение Александра Андреевича Павлова, что он ещё получил письмо от Жени, датированное 7 апреля 1943 г. Апрель месяц хорошо вяжется и с последующими событиями – ПВ). В Харькове Женю вместе с другими солдатами поместили в концентрационный лагерь (шталаг № 363, в котором одновременно содержалось 18-20 тысяч военнопленных) на Холодную гору, где находилась тюрьма, построенная во времена Екатерины II *(По одной из легенд, государыня Екатерина II, осматривая Харьков, будто бы махнула державной ручкой в сторону холма: "А тут - быть холодной!" (тюрьме, значит). Так и повелось: тюрьма харьковская - на Холодной горе).*

Для вновь прибывших военнопленных устроили карантин. Перед обедом пленных солдат отвели к груде сваленного металлолома, где были солдатские каски, банки. Женя отыскал двухлитровую жестяную банку, всю

Харьковская тюрьма «Холодная гора»

покрытую грязью, почистил ее железным прутом. Воды не было, помыть “посуду” было нечем и “суп” из нечищенной картошки и шелухи проса был налит прямо в нее. Несмотря на то, что Женя три дня практически ничего не ел, притронуться к дурно пахнущему пойлу он не смог. «Единственным продуктом питания военнопленных, — рассказывал после войны бывший узник шталага, военврач К. Р. Седов, которому посчастливилось выжить, — была гнилая червивая конина, привезенная с поля боя, да немного испорченной крупы. В лагере свирепствовали тиф и дизентерия».

На следующий день после завтрака всех повели на обыск. При обыске у Жени нашли завернутый в тряпочку листочек бумаги. Офицер спросил: “Что

это?” - “Молитва. Мне дала ее сестра. Она оберегает меня”. Офицер поверил и вернул листочек.

Псалом 90 (фрагмент). Автограф Александры Андреевны Лаврёновой

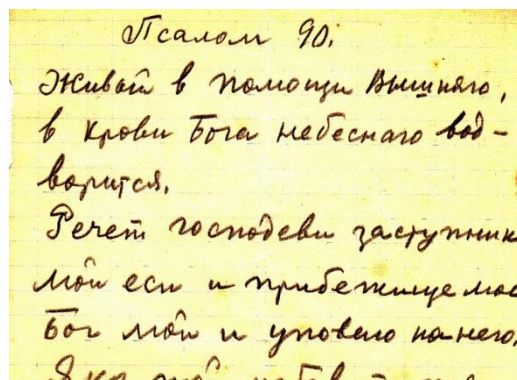
Брат Жени – Александр в эти дни писал домой: «Молчание Евгения... внушает беспокойство... Очень обидно, что Евгений поехал на фронт, а я более сильный и здоровый, более обученный, остаюсь пока вне фронта. Василий писал регулярно, но сейчас почему-то долго от него не получал ничего». «Мои товарищи многие уже побывали в боях, многие уже отдали жизни за нашу Москву, штурмуя Вязьму. Сейчас из госпиталей раненые товарищи пишут нам письма». «Изучаю великих полководцев, в данное время – Наполеона. Хозяйка (квартиры – ПВ) на Пасху обещала «христосоваться» и преподнести по 3 яйца крашенных. Я уже не помню, когда я отмечал Пасху, а последнюю с вами кажется, бойкотировал. В Красной Армии я совсем про неё забыл и вспомнил лишь, когда напомнила хозяйка».

В конце апреля Александра послали в командировку в колхоз в село Верхнее на посевную. После дороги, которая заняла семьдесят два часа, и в которой он спал часа два-три, выспался наконец сверх меры. Питание было исключительно на колхозное: молоко, сметана, картофель. Первое время даже совсем не ел ни супа, ни каши. «Если командировка продлится месяца два, то отдохну очень хорошо». После села Верхнего перебрались в село Серышево, затем в деревню Державинка. Здесь он жил в доме у одной колхозницы, которая принимала его как родного сына. Она готовила еду очень вкусно, и Александр, питаясь два раза в день, был так сыт, что хватило бы и одного раза. Второй раз питался только потому, что положено есть, а не по требованию организма. «Если бы вы питались как я, я бы был очень доволен».

Матвей Федорович Почтарёв самоотверженно трудился в Тюмене. За успехи в производственной деятельности ему дважды приказом по заводу объявляли благодарность, а в апреле 1943 года выписали премию в двести рублей.

Распорядок дня в лагере, где находился Женя, был следующий: ровно в семь часов подъем, затем проверка, потом завтрак и распределение на работы. Работы состояли, в основном, в расчистке завалов, перевозке и переноске грузов. Очень трудной была работа по переноске ящиков со снарядами из одного цеха Харьковского тракторного завода в другой.

После трех дней работ Женя свалился с брюшным тифом, проболев два месяца (май-июнь).

Точно неизвестно, почему именитый хирург, главный врач 9-й городской больницы Харькова Александр Иванович Мещанинов остался в оккупированном Харькове. Будучи руководителем госпиталя, развернутого в больнице, он до последнего момента оперировал раненых солдат, и эвакуировать госпиталь просто не успели до того, как был взорван Холодногорский мост. Доктор встретил фашистов в полной медицинской амуниции, а персоналу объявил: немцы уйдут, а пока их долг — оставаться на своих постах и лечить людей.

Он заявил фашистскому командованию решительный протест против нечеловеческих условий содержания военнопленных. И объявил: если оккупационные власти не в состоянии обеспечить узников продуктами и лекарствами, то население сделает это своими силами. Многие видели, как Александр Иванович сам в белом халате, шапочке с красным крестом и тачкой в руках появился на Холодногорском рынке и обратился к торгующим с просьбой помочь пациентам 9-й больницы, которые умирают без еды и лекарств. И местные жители, которые хорошо знали доктора, откликались. Такие походы на рынок врачи совершали неоднократно, благодаря чему удавалось добывать еду и одежду не только для пациентов 9-й больницы, но и заключенных концлагеря. После заявления главного врача немцы разрешили часть больных и раненых направлять в другие медицинские учреждения Харькова. Открылся и лагерный лазарет, где содержались тяжелораненые.

Пятый корпус тюрьмы «Холодная гора», Харьков

С помощью коллег, врачей-военнопленных профессор организовал дополнительный госпиталь на 200 коек. Так появилась возможность помогать раненым военнопленным. Начальником лагерного медпункта стал военврач Константин Седов. Вместе им удалось спасти жизнь сотням военнопленных, а некоторым и помочь совершить удачные побеги. В госпиталь легче было пронести документы и гражданскую одежду. А помогал пленникам бывший студент химического факультета Харьковского университета Юрий Узунян. Свободно владея немецким языком, он устроился на работу паспортистом в немецкий бургомистрат на Холодной Горе. Соседи и знакомые считали его «фашистским прихвостнем», а Юра готовил документы для пациентов профессора Мещанинова, помогая вывозить людей из фашистского лагеря смерти. Больные стали «умирать» у Мещанинова, а на самом деле их тайно вывозили из больницы. В конце концов, фашисты, почуяв неладное, перевели

С помощью коллег, врачей-военнопленных профессор организовал дополнительный госпиталь на 200 коек. Так появилась возможность помогать раненым военнопленным. Начальником лагерного медпункта стал военврач Константин Седов. Вместе им удалось спасти жизнь сотням военнопленных, а некоторым и помочь совершить удачные побеги. В госпиталь легче было

госпиталь в другое место, огородив его колючей проволокой, а самого профессора не допустили к работе. Но и отсюда побег продолжались. Есть свидетельства, что разъяренные немцы одного из врачей расстреляли прямо в ординаторской. Александр Иванович спасал земляков и от угона в Германию — ставил им безнадежный диагноз и клал «на операцию».

Долгое время Женя находился в бессознательном положении, а товарищи прятали его и подкармливали. Наконец, дело пошло на поправку и Женя вышел на улицу. Окрепнув еще несколько дней, Женя снова отправился на работы. Опять Харьковский тракторный завод и снова переноска ящиков с боеприпасами из одного цеха в другой. Один из охранников (немец) видя, что Женя шатается, неся ящик в 50 кг, сказал: “Пан, стой у штабеля и выравнивай ящики!”.

30 июня закончилась двухмесячная командировка Александра Павлова. «Погода здесь весь июнь и половину июля была скверная. Ежедневно шли проливные дожди. И я своими сапогами перемерил столько грязи, особенно в колхозах, что они у меня уже несколько раз ремонтировались, а получил я их всего 4 месяца назад». В командировке, из села Верное до Серышево тридцать километров шел пешком, разувши. Была такая грязь, что вряд ли хватило сапог. В конце концов, Александр сшил себе брезентовые сапоги, так как кирзовые совсем развалились. В таких сапогах хорошо и легко ходить в тёплую сухую погоду, но в дождь совсем нельзя.

Из командировки Александр привёз пол литра вина, организовал с другими командирами небольшой вечерок. Потом пошли гулять. На опасения родных утешал, что все его друзья – люди порядочные, культурные. Да и сама обстановка и дисциплина требуют всюду и везде сохранения чести и достоинства.

Вернувшись из командировки Александр с удивлением обнаружил, что его щитовидная железа совершенно исчезла: незаметно стало никакой шишки на горле. 16 июня он выслал Шуре 1000 рублей. «Хочу купить здесь гитару и шахматы, но их очень трудно здесь достать».

Домой пишет, поддерживая родных (09.07.1943): «Получаю от вас письма, в которых сообщаете о своих страданиях и переживаниях. Правильно, время трудное, но нужно особенно проявлять выдержку. Женя в инженерных войсках – дело ответственное. Наверное, приходится восстанавливать мосты, разные дороги, делать препятствия. Но не должен быть в особой опасности». «От наших – Николая и Евгения не получал ни единого письма, хотя им писал неоднократно. Если нет об них сведений и поныне, осведомляйтесь об их судьбе через НКО (Народный комиссариат обороны СССР – ПВ). Возможно, они и вне опасности, но не извещают о себе. Я вот и то иногда через силу пишу, а время у меня куда больше чем у них. А там, гляди, и бумаги нет и карандашей» (14.07.1943). «Настроение у меня и самочувствие всё время хорошее, только мысли затуманиваются тем, что долго нет известий о Жени и судьба его неизвестна» (18.09.1943).

После «колхозной» командировки было свободное время, ни работ, ни занятий, но в конце июля снова отправили в командировку на ст. Возжаевка, где он служил два года назад. «Курить курю, но ещё не полностью втянулся... Читаю больше, чем курю... Курю не со скуки, как это вы себе представляете, а из-за обилия табаку, который необходимо курить, чтобы он не пропал даром. Да к тому же в обществе курящих друзей неудобно быть некурящим».

Здесь, в Возжаевке, Александр был предоставлен сам себе, высшее начальство приезжало не слишком часто. По вечерам ежедневно ходил в Дом культуры, в свободное время - читал. Учился играть на гитаре. Играл до такого состояния, что пальцы от струн болели целую неделю. Составил себе альбом для фотокарточек (их уже более пятидесяти), присланных из дома и от друзей.

В августе исполнилось пол года со дня смерти Андрея Меркуловича. В Москве отметили поминки. Александр сокрушался, что не мог быть вместе со всеми и что не вложил в поминки ни одного рубля. Выразал благодарность Моте (Матвею Фёдоровичу - ПВ) за те деньги, которые он выслал Екатерине Михайловне и Шуре. «Всё же, несмотря на прежние отношения, он не злопамятен и стремится жить в дружбе и уважении».

После разгрома немцев на Курской дуге (конец августа 1943 г.) контроль над военнопленными в лагере «Холодная гора» несколько ослабел. Товарищ Евгения по плену – Черемных Геннадий Данилович, журналист по профессии, родом тоже из Москвы, предложил ему бежать из лагеря. Договорились с вольняшками, что бы те принесли метра три веревки. Выбрав самое темное время июльской ночи, они тихо подошли к стене, Женя встал на плечи Геннадия, забрался на стену, привязал веревку к стойке и лег на стену под натянутой колючей проволокой. Затем по веревке за стену забрался Геннадий. Внизу показался охранник, и пришлось затаиться на стене и подождать, когда охранник пройдет. К счастью с вышек их не заметили. Когда стихли его шаги, перекинули веревку наружу, спустились по ней и побежали через дорогу во двор находившегося поблизости дома, пересекли его, затем следующий и, наконец, выбрались из города.

Ориентируясь по солнцу и звездам, беглецы держали путь на северо-восток, стараясь придерживаться лесистой местности. На третий день на одной из полян увидели пепелище костра, разбитую полуторку. У потухшего костра нашли несколько сухарей и две гранаты Ф-1 с запалами. Сухари были сразу-же съедены, гранаты взяли с собой.

Еще через два дня Женя и Геннадий слышали за спиной артиллерийскую стрельбу и поняли, что линию фронта они прошли и теперь идут по советской территории. Еще через несколько километров, на одной из полян, они слышали русскую речь, побежали на голоса и увидели русских солдат. Глаза наполнились слезами. Они положили перед солдатами гранаты и рассказали, что бежали из плена и попросили доставить их какому-нибудь офицеру.

Геннадия и Женю доставили к старшему лейтенанту, который оказался

офицером контрразведки. К ним сразу же приставили двух часовых. Старший лейтенант начал задавать вопросы и составлять протокол, но задержанные попросили их сначала накормить. После этого рассказали, как и что с ними случилось. После допроса Геннадия и Женю отправили в штаб армии, где было еще несколько возвратившихся из плена солдат.

В штабе задержанных представили командиру дивизии. Сначала к нему повели Геннадия. Когда тот возвратился, Женя спросил: “Ну как там было?” - “Сейчас пойдешь сам и узнаешь” - ответил Геннадий. Повели Женю. Генерал спрашивает: “Ну что, гадёныш? Какое немцы тебе дали задание? Что ты видел, когда пробирался к своим?” “Никакого задания от немцев не получал. Когда пробирались к своим держались все больше лесом и ничего не видели” - ответил Женя и тут же получил по уху. “Пшёл вон!” сказал генерал, и Женю отправили под стражу. “Ну что, как встретили?” - спросил его Геннадий.

До войны Геннадий работал корреспондентом в газете, имел публикации, его легче было проверить и отпустили из лагеря раньше Жени. Женя же, в силу малого возраста, ничем себя не проявил, по мнению

*Геннадий Данилович
Черемных*

ответственных лиц, мог быть легко завербован. Несколько раз его выводили на расстрел, и казнь отменяли, пытаясь психологическим давлением выбить показания о своей вербовке.

Через несколько дней всех возвратившихся из плена солдат собрали в поверочный лагерь и оттуда направили пешком до Кременчуга, а оттуда на поезде – на станцию Славянск (Донбасс). Со станции довели до города, где был рабочий поселок. Так как в этом месте лагеря не было, то первым занятием плененных солдат было устройство такого лагеря: они вкапывали столбы, натягивали колючую проволоку, строили ворота и проходную будку. Жили в домах рабочего поселка в 1-2-3 комнатных квартирах, в которых сооружали двухъярусные нары. На дворе был октябрь 1943 года.

Когда появилась возможность написать письмо, Геннадий Черемных попросил свою маму — Марию Сергеевну, навестить родителей Жени Павлова и передать им весточку от сына. (Отец Марии Сергеевны был «родовитым», во время гражданской войны участвовал в белом движении и ушел с Белой Армией на Восток. Мария Сергеевна осталась в Москве, проживала около Елоховской церкви – Елоховский проезд, д. 3, кв. 6). Мария Сергеевна приехала к Екатерине Михайловне и рассказала ей всё, что знала о Жене от своего сына. (Мария Сергеевна в дальнейшем поддерживала отношения с Екатериной Михайловной до самой её смерти).

Помимо Марии Сергеевны с весточкой от Жени приезжал его товарищ по плену Яков, вместе с которым их водили на расстрелы. Якова отпустили из советского лагеря раньше Жени, и он через Москву был направлен на Сталинградский фронт.

Мария Сергеевна Черемных

Екатерина Михайловна всё это время постоянно посещала церковь, непрестанно молила Бога о даровании жизни сыну. Весточки, полученные, по-видимому в сентябре 1943 года, о том, что Женя жив были большой радостью для всей семьи. Екатерина Михайловна сразу написала сыну письмо, потом сразу ещё. Её письма, полученные из дома, из Москвы были первыми, полученными в группе, в которой находился Женя. Это было радостное событие для всех. Потом получил письмо его друг москвич (тоже Женя, который жил на Электrozаводской), в котором его родители написали, что кое-что знают о его судьбе. Женя посоветовал своим домашним сходить к родителям этого товарища, тогда и они будут знать побольше о нем. Всех своих мытарств Женя в письмах не описывал, «обо мне узнаете точнее, когда вернусь домой. Я теперь могу рассказать многое интересное». Женя собирался написать письма всем (не писал пять с половиной месяцев, «так как был оторван от всего мира»), и просил присылать в каждом письме чистый лист бумаги для ответа. Сетовал, что во время болезни сыпным тифом потерял фотокарточку Шуры, но просил её не присылать, «а то вдруг случится какой-нибудь несчастный случай!». Не сохранилось у него и адреса брата Сани, который просил прислать.

В лагере поначалу было очень скучно, жизнь однообразная, и скорее хотелось повидаться со всеми родными. К декабрю же Женя немного обжился и сообщал домой более оптимистические новости, что живет с другом очень хорошо, днем играют в домино и шахматы, а вечером поют песни, и даже устраивают концерты. Теперь у Жени несколько хороших друзей: два из Винницы, один из Ленинграда и один из города Чкалова (Оренбургской области). «Таких товарищей редко можно встретить и ежели за них держаться, то не пропадешь».

В сентябре Александр получил перешитую офицерскую форму. «Приятно себя чувствуешь, когда имеешь внушительный офицерский вид: большой авторитет и уважение от подчинённых. Сейчас вместе со всеми переживаю радостные чувства победоносного наступления Красной Армии. Очень хочется наяву увидеть салют Москвы, который сейчас вижу только по газетным снимкам. Даже по радио ни разу не слышал его».

В начале октября Александр всё ещё работал в Возжаевке, часто ходил

в армейский Дом культуры, который мало походил на Московский Центральный дом Красной Армии. Но всё равно, в нём есть читальня, бильярд, раза 3-4 в неделю показывают кино или спектакль, иногда бывают танцы.

23 октября 1943 года – три года со дня отъезда Александра на Дальний Восток, «где было суждено начаться моей новой, самостоятельной жизни. Теперь я уже не тот полустудент, которым вы меня видели наяву в 1940 (году), а офицер

Красной Армии, организующий жизнь десятков вверенных мне бойцов. Эта работа посложнее, чем учение в школе, так как требует постоянной энергии, находчивости, требовательности, хозяйственности, личного самоусовершенствования в военном деле и политической подготовке. Необходимо сколотить из этих людей крепкий, монолитный коллектив с которым, не боясь можно идти в бой, будучи твёрдо уверен в выполнении порученного дела».

В середине ноября закончилась трехмесячная командировка Александра в Возжаевку, которая показалась отпуском после двухмесячной командировки по колхозам.

У охотника, заготовлявшего в тайге коз,

Александр брал шкуры, из которых впоследствии сшил «шубейку» (тулуп) и рукавицы, предмет зависти его товарищей.

В конце декабря Александр получил письмо от Жени, первое после его побега из плена, а также письмо от Николая Лаврёнова из Киева.

